

На правах рукописи

ВАВИЛОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУБЪЕКТА ИЗМЕНЕННОГО СОСТОЯНИЯ
СОЗНАНИЯ: ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Казань – 2019

Работа выполнена на кафедре истории, философии и культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Казанский государственный институт культуры»

Научный руководитель: **Меньчиков Геннадий Павлович**
доктор философских наук (09.00.01 – Онтология и теория познания), профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г.Казань)

Официальные оппоненты: **Разинов Юрий Анатольевич**
доктор философских наук (09.00.11 – Социальная философия), профессор кафедры философии ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (г.Самара)

Нагуманова Светлана Фарвазовна
доктор философских наук (09.00.01 – Онтология и теория познания), доцент кафедры истории, философии и социологии ФГБОУ ВО «Казанский государственный медицинский университет» (г.Казань)

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева-КАИ» (г.Казань)

Защита состоится 17 декабря 2019 г. в 14:00 часов на заседании диссертационного совета Д. 210.005.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Казанский государственный институт культуры» по адресу: 420059, Республика Татарстан, г. Казань, Оренбургский тракт, д. 3, ауд. 302.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры».

Электронная версия автореферата размещена 1 октября на официальных сайтах Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации: <https://vak.minobrnauki.gov.ru> и ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры» <http://www.kazgik.ru>.

Автореферат разослан «__» октября 2019 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д.210.005.02
кандидат философских наук, доцент

А.Н. Яныкина

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Смещение вымысла и реальности, неопределенность жизни, страх неизвестности перед будущим подталкивает субъекта к безрассудным действиям и посягательству как на свою жизнь, честь и достоинство, так и на жизнь, честь и достоинство другого. На современном этапе этот субъект, будучи лишенным понимания различия между сущностью и природой человека, ищет разнообразные способы самореализации для осознания себя в «бытии-в мире». Одним из этих способов является изменённое состояние сознания.

Под измененными состояниями сознания (далее ИСС) как особом и непривычном для обыденного (бодрствующего) сознания способе восприятия субъективной («Я») и объективной («Они») действительности имплицитно подразумевается нечто иррациональное, неестественное, некультурное, религиозно-мистическое, трансцендентное, безумное. Такой разносторонний взгляд объясняется тем, что в социально-гуманитарном познании и общественно-публичной мысли превалирует аксиологическая установка, сохраняющая авторитарное право на демаркацию вопроса о сознании и его измененных состояниях (нормальное – ненормальное, больное – здоровое).

В истории и теории культуры феномен «измененного состояния сознания» можно обнаружить в форме трансовых и экстатических состояний у представителей традиционных доиндустриальных культур. Однако в современную (пост)неклассическую (А.Я. Флиер) и постсекулярную эпоху «рассимволизации Абсолюта» (Г.П. Аксенов) способы и средства для достижения ИСС трансформировались, став более мобильными и опасными. В данной ситуации доминируют уже не иррациональные силы Абсолюта, а силы, имеющие конкретные материалистические и дискурсивные основания, латентным образом инкорпорированные в культуру и участвующие в «производстве субъективности» (Ф. Гваттари).

Человеку становится «неудобно» находиться в своем привычном состоянии сознания, и он активно ищет способы это исправить. Поэтому стоит говорить не о маргинальности конкретной или абстрактной личности, а в целом о субъекте как субъекте измененного состояния сознания, находящегося на пограничной территории рационального и иррационального, нормального и ненормального, культурного и некультурного. Зачастую этот субъект попадает в категорию отверженных, маргиналов и/или угнетенных, больных. Поэтому в современной социокультурной ситуации субъект ИСС скрыт, находится в состоянии неявленности, но тем не менее он активным и латентным образом участвует в трансформации культурных смыслов, ценностей, норм и моделей поведения.

Таким образом, актуальность проблемы репрезентации субъекта ИСС обосновывается:

Во-первых, междисциплинарным статусом исследования, который приобретает сегодня феномен ИСС, являясь мерой социокультурной активности субъекта при одновременной непроясненности философско-

культурологических оснований, задающих формат этой активности. Ввиду этого необходимо внимание к тому факту, что ИСС в том виде, о котором мы знаем из антропологических источников, не является естественной и неизменной способностью, одинаково сопровождающей человека на всех этапах его развития и выполняющей одни и те же социокультурные функции. Напротив, именно в современную (пост)неклассическую эпоху, когда в массовой культуре появляется тенденция в той или иной степени редуцировать понимание сущности сознания к способности механистически отражать/конструировать/переживать действительность, в философии культуры выявляются совершенно особые функции ИСС;

Во-вторых, в постсоветском пространстве прежние попытки обосновать антропологическую сущность феномена ИСС исчерпываются клиническим (патографическим) описанием девиантной реальности, а философское осмысление на сегодняшний день ограничивается эзотерическими, религиозными и квазинаучными концептуализациями. Феномен ИСС рассматривался вне контекста социокультурной ситуации. При этом вопрос, каковы роль и место субъекта ИСС в культуре, до сих пор не был поставлен в социально-гуманитарном знании в свете динамики современных общественных процессов;

В-третьих, интерес к феномену ИСС вызван остройми проблемами постсекулярного состояния общества. Поэтому сегодня в философско-культурологическом знании понятийно-категориальный аппарат (рациональное – иррациональное, сакральное – профанное, сверхъестественное – естественное, духовное – материальное, нормальное – ненормальное, разумное – эмоционально-чувствительное), воспринятый от классической и неклассической философии, не способен эксплицировать специфическое формирование и функционирование субъекта ИСС в постнеклассическую эпоху. В связи с этим происходит недопонимание новых вызовов современности;

В-четвертых, одним из исчерпывающих и прогрессирующих примеров ликвидации витального порядка остается проблема наркомании (зависимость человека от систематического/чрезмерного потребления психоактивных веществ (далее ПАВ)). В контексте дискурса (у)потребления ПАВ в массовой культуре и в общественном сознании декламируются различного рода ИСС, обещающие достижения трансцендентных высот, личностного роста, счастья и внутренней «перезагрузки».

Однако, несмотря на смертность и незаконность действий, связанных с производством, сбытом и потреблением ПАВ, количество наркопотребителей стабильно растет, также и за счет того, что каждый год регистрируются новые (и поэтому «юридические чистые») ПАВ. Соответственно, за каждым индивидуальным актом потребления ПАВ регистрируется новый и даже новейший субъект ИСС. Но вопреки этой прогрессирующей тенденции отсутствует ее целостное философско-культурологическое осмысление. С одной стороны, наблюдаются преемственность и развитие вплоть до рекурсии

различных форм ИСС. С другой стороны, возникают новые искусственные средства индукции в ИСС, несущие угрозу социальному и национальному здоровью.

Тем не менее главная причина асоциальных и девиантных проблем современного общества остается незамеченной. Ведь за любым потреблением ПАВ скрывается желание изменить состояние сознания. Несмотря на явную актуальность и злободневность, тема ИСС в дискурсе потребления ПАВ в контексте маргинальных социокультурных практик подвержена табуизации и стереотипизации в «обществе потребления» (Ж. Бодрийяр). Нельзя упускать, что на фоне вызовов современности трансформируется не только психика, но и сам субъект и формы его культурной субъективации в социальном бытии. Отсюда чрезвычайно важно понять, как в истории культуры разворачивалась «эволюционистская логика фармакологического разума»¹ и почему ИСС в современном обществе выполняют «некультурные функции культуры»².

Степень научной разработанности темы. Первые предпосылки к обоснованию ИСС как явления наблюдаются в размышлениях античных и позднеантичных мыслителей: Пифагора, Гераклита, Сократа, Платона, Аристотеля, Марка Аврелия, Плотина. Искания гностиков и средневековых философов Августина Блаженного, Пьера Абеляра, Гуго Сен-Викторского, Фомы Аквинского имели особую значимость для дальнейшего понимания ИСС в качестве опосредующего звена в коммуникации с потусторонним миром Абсолютного Бога или Творца. Параллельно с этим многие идеи гностицизма получили распространение в неоплатонизме и неопифагореизме; в крупнейших религиозных системах, а также в различных еретических учениях, алхимии (Парацельс) и мистицизме (Я. Бёме, М. Экхарт, Е. Блаватская, Н. Рерих), исихазме, суфизме. Особое внимание к феномену ИСС как психотехнической медитативной практике наблюдалось в восточной философско-религиозной традиции (индуизм, буддизм, даосизм).

В неклассической философии феномен ИСС не выделялся как специфический социокультурный феномен, а рассматривался исключительно в области трансцендентной реальности (К. Ясперс) и как иррациональная характеристика бытия человека (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше). В начале XX в. исследования биохимических процессов в организме человека в рамках естественнонаучного знания и медицинско-фармакологического дискурса привели к специальной постановке вопроса о способности человека изменять сознание. Отметим искания в области психиатрии (Р. Бак, З. Фрейд), экспериментальной психологии (Н. Ланге) и психологии религии (У. Джемс)³.

¹ Разинов Ю.А. *Dasein* вещей, или о чем может поведать трубка // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2008. № 1. С. 58.

² Флиер А.Я. Некультурные функции культуры. М., 2008. 272 с.

³ Ланге Н. О действии гашиша (психологическая заметка) // Вопросы философии и психологии: Книга 1. 1889. С. 147-162.; Фрейд З. Статьи о кокaine. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. 160 с.; Джемс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993. 432 с.

Параллельно обосновывается важность исследования иных форм сознания, таких как появление мистического и религиозного опыта (Р. Отто).

Существенное влияние на осмысление функции ИСС в культуре и социуме оказала западная историческая и культурная антропология (Ф. Боас, К. Гирц, Ж. Ле Гофф, Э. Доддс, Л. Леви-Брюль, Б. Малиновский, М. Мосс, Р. Мандру, Э. Тайлор,), отечественная этнография и религиоведение (В.И. Харитонова, О.В. Кулишова, Е.А. Торчинов), а также маргинальная (С.В. Гурин), клиническая (С. Зимовец), психологическая (А.А. Белик), медицинская антропология (В.Л. Лехциер) и психология культуры (Л. Аноли). В трудах ученых этих направлений раскрывается социокультурный смысл феномена ИСС. Особенное внимание уделялось феномену шаманизма и техникам шаманского экстаза (М. Элиаде, К. Кастанеда). Значительный и ценный этнографический материал по изучению шаманских практик получен отечественными этнографами (Д.Н. Анучин, Б.Э. Петри, И.А. Лопатин, С.М. Широкогоров, В.И. Харитонова, П. Берснев). Богатый историко-культурный материал по теме изменяющих сознание способов и средств отражен в исследованиях Д. Бутройда, Д. Годфри, Р. Дейвенпорт-Хайнса, Ф. Джексона, А.Г. Данилина, М. Коллина, И. Маунтиан, Д. Стивенса, Р. Уилсона.

Со второй половины XX в. исследование феномена ИСС приобрело междисциплинарный масштаб. Острое внимание к измененным состояниям сознания и искусственным способам индукции в них наблюдается со стороны академической науки и государственной идеологии. Не менее заинтересован субъект, осуществляющий легитимные и нелегитимные практики, которые в контексте социокультурной ситуации следует обозначить как маргинальные, направленные на изменение сознания себя или другого. Существенный вклад в понимание проблем ИСС и субъекта внесли зарубежные антропологи и этнологи: Н. Бен-Йегуда, Э. Бургиньон⁴, М. Добкин де Риос, Р. Кайя, Т. Маккена, П. Фурст; литературные деятели: О. Хаксли, У. Берроуз; психиатры и психологи: С. Гроф⁵, В. Жилек, Т. Лири, Р. Лэйнг, Р. Принс, Ч. Тарт⁶, К. Уилбер; философы: Ж. Деррида⁷ и Ж. Делез⁸.

К теме ИСС обращались и российские исследователи. Следует отметить, прежде всего, работы А.А. Белика, актуализировавшего антропологическое и культурно-историческое значение феномена ИСС, и О.В. Гордеевой, опубликовавшей серию важных материалов по теме ИСС. Философские проблемы феномена ИСС рассматривают А.К. Секацкий, А.А. Пелипенко, В.М. Хачатурян, Л.П. Мордвинцева, Ю.В. Шичанина, А.Г. Колчина,

⁴ Бургиньон Э.В. Изменённые состояния сознания // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под ред. А. А. Белика. М., 2001. С. 405-461.

⁵ Гроф С. Путешествия в поисках себя. М., 2008. 346 с.

⁶ Тарт Ч. Изменённые состояния сознания. М., 2003. 288 с.

⁷ Derrida J. The Rhetoric of Drugs: an interview, differences // A Journal of Feminist Cultural Studies. 1993. Vol.5. P.1-25.

⁸ Deleuze G. Two questions on drugs / Two regimes of madness: Texts and interviews 1975–1995. New York, NY: Semiotext(e). 2006. P.151-156.

С.Г. Виноградова. Философский анализ «необычных состояний сознания» провел П.А. Гордеев, эпистемологический аспект ИСС разрабатывает А.В. Ярославцева. Следует отметить работы психологов и психолингвистов: А.О. Прохорова, А.В. Россохина, В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко, Д.Л. Спивака.

Обнаруженная в данном исследовании **проблемная ситуация** состоит в том, что феномен ИСС требует осмыслиения на философском, но особенно на философско-культурологическом уровне, без которого невозможно полноценно эксплицировать современную антропологическую значимость в призме общефилософских вопросов о природе и сущности бытия, особенно бытия человека, эпистемологии и гносеологии. **Проблема исследования** заключается в неосознанности обыденным, религиозным и научным (рационалистическим) сознанием многообразия функций ИСС в современной культуре. Возникает **противоречие**, где, с одной стороны, человечеству объективно необходима жизненная производительность, социально-культурная динамика и многообразие культурных форм, например, в искусстве и литературе. С другой стороны, человек обеспечивает их не в жизнеобеспечивающих формах и средствах, а в негативных и маргинальных своих проявлениях феномена ИСС, направленного на разрушение социального и культурного бытия, смещение и подмену смыслов, манипуляцию общественным сознанием. В связи с этим важным представляется поиск ответов на ряд вопросов, связанных с этой глобальной антропологической проблемой: *почему, каким образом и в каких культурных формах субъект изменяет состояние сознания.*

С учетом актуальности и нерешенности до настоящего времени обозначенной выше проблемы сформулирована **рабочая гипотеза**, состоящая в том, что субъект ИСС сформировался исторически под воздействием гетерогенных социокультурных факторов: религиозных, политических, экономических, правовых, собственно культурных. Поняв это воздействие и взаимодействие, мы сможем выявить многообразие функций феномена ИСС в культуре, что позволит приблизиться к ответу на вопрос: почему человеку «неудобно» находиться в естественном (в нормальном) состоянии сознания? Таким же образом, изучая репрезентации субъекта ИСС в культуре, возможно прояснить и глобальные мировоззренческие и культурные процессы, их трансформацию в экономической, идеологической, политической, религиозной, этической сферах общества.

Объект нашего исследования: измененные состояния сознания как социокультурный феномен. **Предмет исследования:** особенности репрезентации субъекта измененного состояния сознания в культуре.

Цель исследования: выявить эволюцию ИСС и дать философско-культурологическую оценку их проявлений в дискурсе социально-культурных практик.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

1. Концептуализировать и систематизировать определения ИСС;

2. Проанализировать возникновение, трансформацию и приращение понимания дискурса ИСС на доклассической, классической, неклассической и постнеклассической стадиях культуры;

3. Выявить трансформации субъекта ИСС как деятельного участника ряда общекультурных, субкультурных и контркультурных процессов;

4. Дать философско-культурологический анализ стратегии репрезентации субъекта ИСС в культуре;

5. Выявить тенденции дальнейшего развития и понимания феномена ИСС.

Методология диссертационного исследования. В качестве методологической основы философско-культурологического анализа феномена ИСС и субъекта ИСС лежат представления об исторической эволюции картин мира, типов рациональности: классической, неклассической, постнеклассической или неоклассической. На основе выделения таких философско-мировоззренческих установок используется историко-компаративистский метод, позволяющий рассмотреть социокультурное значение продуцирующих ИСС практик.

Диссертационное исследование опирается на такие общенакуучные принципы и методы диалектики, как единство логического и исторического, восхождение от к абстрактному к конкретному; типологизацию, идеализацию, абстрагирование, анализ, синтез, дедукцию и индукцию, сравнение. Основной опорой является принцип детерминизма, суть которого разворачивается в рассмотрении когнитивной и некогнитивной форм детерминации. В рамках этого философского подхода «репрезентационная детерминация» (Г.П. Меньчиков) принимает участие в создании образов Другого.

Для проверки гипотезы использовались такие методы исследования, как:

- дескриптивный метод применялся для предварительного определения характеристик объекта исследования;
- историко-культурный метод позволил проследить изменение значения и роли феномена ИСС в изучаемый период;
- структурно-функциональный метод стал определяющим при анализе репрезентаций субъекта ИСС в социокультурной среде;
- культурантропологический подход (дискурс-анализ) позволил сформировать объективное представление о функционировании субъекта ИСС в современной культуре;
- психоаналитический подход позволил выявить противоречия между субъектом и культурой в дискурсе маргинальных социокультурных практик.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Измененное состояние сознания – это полифункциональный, культурно-обусловленный дискурс маргинализации субъекта, децентрированный модус «нормального» сознания. В отличие от «нормального» сознания, в искусственно индуцированном измененном состоянии сознания, а также в формах его презентации и манифестации, происходит намеренная актуализация, трансформация (инверсия и перверсия), реализация и репрезентация идеалистических (воображаемых) представлений субъекта;

2) В соответствии с культурно-исторической динамикой социокультурного развития происходило качественное и количественное приращение знаний об измененных состояниях сознания, трансформация их репрезентаций в культуре. Изучая формы и содержание этих репрезентаций в наиболее маргинальных своих проявлениях, имеющих наиболее острую форму, а также в контексте особенности социокультурной ситуации, возможно глубже понять происходящие трансформации в обществе и культуре;

3) Феномен «измененного состояния сознания» регламентируется в рамках функционирования социальных запретов и норм культуры, которые в зависимости от мировоззренческих установок общества санкционируют «техники экстаза» (М. Элиаде) и дискурсивный характер производного опыта (мистико-религиозный, перформативный, символический, эскапистский). Субъект измененного состояния сознания – это субъект-объект культуры, познающий и действующий носитель самосознания, предъявленный в качестве носителя опыта измененного состояния сознания, обладающего спецификой его репрезентации и манифестации в социально-культурном пространстве. Ставка на эпатаж, эскапизм, сексуализацию определяет характер дискурсивной практики по изменению состояния сознания.

4) Рефлексия опыта измененного состояния сознания в культурном контексте проецируется через трансгрессивное стремление субъекта к абсолютным сущностям (бог, дух, бессознательное, психоделия, холотропное состояние). В постнеклассической и постсекулярной ситуации «рассимволизации Абсолюта», с размыванием догматического идеала и недостаточностью, отсутствием, неразработанностью, невыращенностью реального идеала, Абсолютом становится само сознание субъекта. Человек как антропос, лишившись метафизической поддержки, должен не очаровываться и не поддаваться на (о)бессмысленное «читтерство» (жульничество) против себя самого и Другого.

5) Желание и стремление искусственным путем изменить состояние сознания свидетельствует о том, что субъект в потребительском отношении использует сознание ради извлечения «символического капитала» (П. Бурдье), обещающего демонстративный обмен на социально-культурные выгоды и признание со стороны Другого. Субъект измененного состояния сознания становится «руководителем» своего сознания, прагматичным управленцем в вопросах обретения истины, достижения удовольствия, счастья и любви;

6) Психоаналитические, структурно-функциональные, идеологические и мировоззренческие репрезентации субъекта измененного состояния сознания позволяют выявить смысловые значения в конституировании маргинальных и девиантных социокультурных практик. Поэтому феномен измененного состояния сознания не относится к сфере иррационального бытия человека, который, в свою очередь, во имя блага общественного целого должен и обязан осознать ответственность за свое сознание.

7) Современный дискурс измененного состояния сознания в контексте маргинальных социокультурных практик виктимизирует субъекта и сталкивает

его с радикальными формами субъективности, в которых преломляются социальные и этические роли. В современной культуре связанные с измененными состояниями сознания социальные и клинические аддикции вытесняются на периферию нормальности, закона. Они рекурсивно возвращаются в практиках повседневности, сфере медиа, где приватное становится публичным. Соответственно, субъект измененного состояния сознания не может заявить о себе, не избежав идеологического давления.

Научная новизна работы. К новым результатам можно отнести следующие:

- произведена классификация феномена ИСС как объекта и предмета научного, религиозного и бытового дискурса;
- обосновано становление и развитие «измененного состояния сознания» как феномена доклассической, классической, неклассической и постнеклассической культуры;
- в контексте социально-гуманитарного знания проанализированы современные практики по изменению сознания как компоненты современной социокультурной сферы;
- впервые осуществлена попытка герменевтики дискурса ИСС. В рамках подхода обосновывается, что спецификой трансформации дискурса ИСС является обращенность субъекта к идеальным и абсолютным сущностям, а также его ситуационная погруженность в институциональную среду: семью, право, образование, СМИ, здравоохранение, религию;
- в рамках философско-культурологического знания разработаны психоаналитический, структурно-функциональный и идеологический подходы к анализу современных трансформаций дискурса ИСС и выявлению стратегии презентации субъекта ИСС в социально-культурном контексте;
- предложено расширить понятие «архаические техники экстаза» (М. Элиаде) в пространственно-временном и историко-культурном контексте. Соответственно, с точки зрения эволюции мировоззренческих парадигм, введены следующие понятия, характеризующие философско-культурологическую трансформацию техник индукции в ИСС: классические/неклассические/постнеклассические техники экстаза.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Изучение феномена «измененных состояний сознания» как многоаспектной проблемы современности позволит решить ряд значимых для общества практических задач: наиболее глубоко разобраться с духовной реальностью человека в культуре и косвенно оказать влияние на решение асоциальных проблем общества, таких как маргинализация личности, возрастание количества деструктивных сект и контркультурных формирований, наркозависимых лиц. Кроме того, выводы и результаты исследования могут быть использованы в сфере выработки социальной и культурной политики по профилактике негативных аддикций. Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке и проведении спецкурсов в вузах по культурологии, философии, социологии, культурной, медицинской и социальной антропологии,

религиоведению, теории и практики социокультурной деятельности, а также иных социально-гуманитарных дисциплин, затрагивающих проблемы медиа, массовой коммуникации и публичного дискурса современности.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были опубликованы автором в 4 статьях в журналах из Перечня ВАК и в 8 статьях в других изданиях. Результаты исследования были апробированы также на конференциях разного уровня, в том числе международных: «Психотехники и измененные состояния сознания» (Санкт-Петербург, 2013), «Туполевские чтения» (Казань, 2013, 2015), «Лихачёвские чтения» (Казань, 2015), «Гизатовские чтения» (Казань, 2015), «Никоновские чтения» (Чебоксары, 2017), «Садыковские чтения» (Казань, 2016, 2017, 2018), «Вопросы экспертизы в области культуры, искусства, дизайна» (Екатеринбург, 2019), «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология *Ad marginem*)» (Самара, 2019).

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование по содержанию, предмету и методам исследования соответствует паспорту специальности 24.00.01 – Теория и история культуры, в частности, пунктам: 1.7. «Культура и религия»; 1.8. «Генезис культуры и эволюция культурных форм»; 1.33. «Институты культуры и их функции в обществе»; 2.10. «Естественное и искусственное в обществе»; 2.11. «Культурно-исторический процесс»; 2.23 «Психоаналитическая и неофрейдистская философия культуры (З. Фрейд, К. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм)»; 2.25. «Структуралистская и постструктураллистская философия культуры»; 2.26. «Постмодернистская философия культуры».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, разделенных на три параграфа, заключения и списка цитируемой и используемой литературы, включающего 379 источников, 14 из которых на иностранных языках. В целом объем диссертации составляет 202 страницы.

Личный вклад соискателя состоит в проведении междисциплинарного и философско-культурологического анализа феномена «измененное состояние сознание» как феномена культуры, а также в подготовке основных публикаций по выполненной работе. Диссертационная работа является первым в российском философско-культурологическом знании обобщающим исследованием проблемы субъекта измененного состояния сознания как субъекта-объекта культуры.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертационной работы обосновывается актуальность темы исследования, дается общее представление о степени теоретической разработанности проблемы, формируется гипотеза, цель и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, определяются положения, составившие концепцию философско-культурологического анализа «измененного состояния сознания» как феномена культуры, излагаются основные сведения об апробации полученных результатов.

Первая глава «**Эволюция и трансформация феномена “измененное состояние сознания” в культуре: от теории к дискурсивной практике**» состоит из трех параграфов и посвящена анализу культурно-исторических трансформации дискурса ИСС от доклассической к постнеклассической культуре. В первом параграфе «*Основные определения и подходы к концептуализации научных знаний о феномене “измененное состояние сознания”*» рассматриваются концептуальные особенности понятия «измененное состояние сознания» и подходы к его определению.

Посткартезианское «расщепление» субъекта и его децентрация со стороны неклассического философско-гуманитарного знания дали фундаментальное основание полиморфно и вариативно говорить об «изнаночной» стороне сознания, при которой отражение/переживание/конструирование действительности отличается от естественного, энактивного способа освоения окружающего мира. Эту особенность сознания научное знание определяет как «измененное состояние сознания». Предпосылками его концептуализации послужили этнографические наблюдения XIX–XX вв., в которых было обращено внимание на такое явление, как транс, способность человека входить в экстатическое состояние. Этнографы и антропологи рассматривали эти практики как обязательный атрибут обрядово-ритуальной жизни традиционных племен. Исследовательскую перспективу продолжила экспериментальная психология (Н. Ланге, У. Джемс, Дж. Лейба). В 1966 г. американский психиатр А. Людвиг выступил с предложением рассматривать «любые ментальные состояния сознания, индуцированные фармакологическими или естественными средствами как измененные»⁹. С этого периода в западной науке начинаются кросс-культурные исследования феномена ИСС (М. Добкин де Риос, Э. Бургиньон, Т. Маккена), шаманских практик и трансовых состояний у представителей традиционных доиндустриальных культур. Отечественные исследователи с различных точек зрения, рассматривающих его нам в естественно-научном и социально-гуманитарном знании, предлагают определять ИСС как «необычные» (П.А. Гордеев), «экстатические» (А.А. Белик), «трансформированные» (А. Луковкина), «иные» (П.С. Гуревич), «особые» (С.Г. Сукиасян), «альтернативные» (В.А. Кузьмина), «делириозные» (М.В. Иванов), «расширенные» (А.М. Прохоров), «трансовые» (Н.Б. Завьялова), «мистические» (Р.И. Абакаров, В.В. Королев), «мистико-религиозные» (Н. Бердяев, И.В. Соленов, О.В. Гордеева), «психоделические» (В.В. Козлов).

Изучение проблемы показало, что определений и понятий феномена ИСС в научной литературе встречается настолько много, что возникает дополнительная проблема их типологизации в философско-культурологическом понимании. Предлагается следующая систематизация ИСС: 1) по стратегии и типу индукции; 2) по субъективным и объективным показателям; 3) по переходу из одного состояния сознания в другое; 4) по

⁹ Ludwig A. Altered states of consciousness // Archives of General Psychiatry. 1966. Vol.15. P. 225-234.

дискурсу нормы и патологии; 5) по опыту постижения трансцендентного; 6) по стратегии презентации в культуре.

В рамках философско-культурологического (теоретического) исследования представляется возможным различать: две стратегии индукции (вхождения) в ИСС, естественная (природная) и неестественная (искусственная, культурная); и три типа индукции (патологическая, фармакологическая и нефармакологическая). Выделяя дискурс нормы и патологии в ИСС, обнаружены разнородные и во многом противоречивые культурные явления – от принятия ванны и массажа, мечты и фантазий, вплоть до радикальных состояний, вызванных потреблением ПАВ (А.О. Прохоров, А. Ревонсую). Дискретно-континуальная природа ИСС (К.Г. Дорошко, Д.Л. Спивак, Ч. Тарт) отвечает на вопрос перехода от одного состояния сознания к другому. Фрактальная детерминация (Г.П. Меньчиков) в рамках постнеклассической методологии позволяет заключить, что измененные состояния сознания характеризуются нелинейностью, имеют «рваности», сцепляющие их с обычным состоянием сознания. Опровергается современная экспликация и эпистемологическое значение ИСС в качестве мистического и религиозного опыта постижения трансцендентного (Л.А. Бессонова, С.Б. Булекбаев, П.А. Гордеев, В.И. Красиков, С.С. Корнеенков). Таким образом, нет четкой границы между состояниями сознания, но между ними есть нечто общее. Этим общим звеном является культура и философско-мировоззренческие установки общества. Парадоксальность в вопросе культурно-обусловленности ИСС создает проблему герменевтического характера, так как культура оформляет и конструирует опыт и дискурс ИСС и, наоборот, этот опыт формирует мифологию, традиции, обряды, духовную жизнь общества.

Как наиболее эвристический для понимания процессов функционирования культуры и ее носителя, выделяется культурно-исторический подход (А.А. Белик, Э. Бургиньон, О.В. Гордеева). Понимая, что исследуемый феномен отображает разнообразный спектр значений и коннотаций, предлагается, прежде всего, видеть за проявлением ИСС реализацию культурных функций в обществе (К. Гирц). Особое внимание отводится фармакологической индукции в ИСС, которая на сегодня представляет специфический и маргинальный дискурс современности, отражающий социальные, политические и культурные трансформации (И. Маунтиан, Д. Будтройд, Ж. Деррида). Данный подход к феномену ИСС также представляет современное проблемное состояние – соотношение (психо)фармакологии и культуры, или в широком смысле – отношение культуры к ИСС и влияние ИСС на культуру. *В результате* высказывается тезис о том, что под ИСС в широком смысле следует понимать полифункциональный, культурно-обусловленный дискурс маргинализации субъекта, децентрированный модус «нормального» сознания. В отличие от «нормального» (стандартного) сознания, в искусственно индуцированном ИСС, а также в формах его дискурсивной презентации и манифестации, происходит

намеренная актуализация, трансформация (инверсия и перверсия), реализация и репрезентация идеалистических (воображаемых) представлений субъекта.

Во втором параграфе «*Трансформации дискурса “измененного состояния сознания” в доклассическую и классическую эпоху*» выявлено, что феномен ИСС в процессе эволюции человека и общества претерпевал определенные трансформации, что отражалось на функционировании религиозных культурных форм. Так, первые историко-культурные свидетельства о феномене ИСС обнаруживаются в ранних формах религиозного сознания – шаманизме (В.М. Михайловский, Э.Б Тайлор, В.И. Харитонова, М. Элиаде и др.). Шаманы обладали «техниками экстаза» (М. Элиаде), позволяющие им «общаться» с высшими абсолютными силами. Для этих целей в контексте ритуального действия применялись опьяняющие средства. Учитывая это, возможно проследить в истории культуры трансформацию дискурса ИСС, анализируя эволюцию и трансформацию «техник экстаза». Репрезентация дискурса ИСС в шаманизме отобразили амбивалентное функционирование искусственных медиаторов в социально-религиозной жизни родоплеменного общества. С одной стороны, следы искусственной индукции в ИСС по археологическим данным (Э. Герра-Доче, N. Price) обнаруживаются уже в эпоху появления человека как *Homo sapiens*. С другой стороны, искусственно индуцированное ИСС как особая привилегированная и ритуализированная «архаическая техника экстаза» образовалась позднее (М. Элиаде). В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что древние люди, обнаружив какое-либо специфическое растение-галлюциноген, ограничивали его потребление, введя на него, и как следствие на ИСС, табу. Именно шаман привилегировал практики по ИСС и установил символический порядок, поэтому для экспликации дискурса ИСС особо важно выявить историко-культурный контекст и символические формы регламентации этого дискурса.

В античную эпоху первые «классические техники экстаза» выступили в форме «исступления», классифицированного Платоном на психические расстройства и расстройства, вызванные вмешательством божественных сил (Э. Доддс). К последнему относятся эротический (Эрот, Афродита), пророческий (Аполлон), поэтический (Муз) и мистериальный (Дионис) тип исступления. Дионисийская мистериальная форма экстаза, чужеродная для античного космологического мировоззрения, существенно повлияла на античный дискурс ИСС. По свидетельствам античных авторов (Артемидор, Архилох, Еврипид, Овидий), этот коллективный опыт помешательства рассудка обретает свое значение как средство художественной выразительности, как некий устрашающий собирательный образ симптомов бешенства, эпилепсии, алкогольного и наркотического опьянения. Таким образом, классический дискурс ИСС, который наблюдается в сновидческом опыте и в мистериальных практиках того времени, осмысливается как проявление трансцендентного и иррационально-хаотического Абсолюта. Историко-культурологическое развитие и социально-культурная динамика феномена ИСС состоит и в том, что привнесение в античную культуру дискурса ИСС другой культурной традиции

трансформировало и законсервировало дискурс ИСС на последующее тысячелетие.

В средневековой культуре сновидений и христианского экстаза обнаруживается, что, во-первых, практика толкования снов менялась и регламентировалась в рамках христианской доктрины (Ж. Ле Гофф). Во-вторых, трансформировались «классические техники экстаза». Такие методы индукции, как христианская аскеза, депривация сна, пост и голод, самобичевание, выполняли не столько религиозную, сколько социальную функцию (J. Kroll, B. Bachrach). Священный экстаз был привилегирован Церковью, а иные формы исступления приравнивались языческими или еретическими. На классическом этапе развития культуры данные техники экстаза были необходимы людям для достижения ИСС ради обретения единства с Абсолютом. Но эта привилегия, как и в доклассической эпохе, оставалась элитарной, ей обладали единицы – оракулы, колдуны, мистики, святые, посвященные адепты. «Классические техники экстаза» обретали культурное бытие в рамках религиозно-мифологических представлений общества и выполняли функции инкультурации, социализации, прогностики и визионерства.

Интенсивные обороты развития и трансформации дискурса ИСС получают в эпоху новых географических открытий и классический этап развития науки (XV–XVII вв.). В европейскую культуру и общественную мысль привносились знания об экзотических растениях (листья коки, мак и конопля), помутняющих рассудок и изменяющих состояние сознание, а также с опытами в области алхимии (Парацельс). В XVIII веке европейские ученые обнаруживают в этих растениях особые лекарственные свойства, которые в дальнейшем рекомендуются к применению в фармацевтической и медицинской практике. В XIX веке изменяющих сознание веществ становится больше. Они модернизируются, синтезируются, фармакологизируются, проникают в массовую и элитарную культуру («Клуб гашишников»), закрепляются в культуре повседневности (салонные развлечения с «веселящим газом»). Так, фармакологическое знание трансформировало дискурс ИСС.

Итак, философско-культурологический анализ феномена ИСС на доклассическом и классическом этапах развития культуры позволяет препрезентировать дискурс ИСС через трансгрессивное стремление субъекта к абсолютным сущностям (дух, Космос, Единое, Бог, мистически понятое бессознательное), а также расставить структурно-функциональные приоритеты в актуализации опыта ИСС на определенном этапе исторического развития общества. Так как феномен ИСС является культурно-обусловленным образованием, то он препрезентируется в различных культурных формах (литература, искусство, повседневный быт). С появлением «неклассических техник экстаза» во второй половине XIX в. в культуре и массовом сознании закрепляется рекреационное использование изменяющих сознание веществ, тем самым подменяя и заполняя метафизическую пустоту в ситуации «смерти Бога» (Ф. Ницше). Таким образом, с качественным и количественным изменением

техник экстаза трансформировался и сам дискурс ИСС. В следствие этого, интенсивная десакрализация и секуляризация феномена ИСС привела к тому, что в XIX веке стал формироваться субъект, самостоятельно владеющий как знаниями об ИСС, так и о средствах индукции в ИСС. Как только в XIX веке классический субъект модерна становится ответственным не перед Абсолютом, а мнимым образом перед самим собой («Если Бога нет, то все позволено»), то возникает субъект ИСС как субъект-объект культуры.

В третьем параграфе *«Трансформации дискурса “измененного состояния сознания” в неклассической и постнеклассической культуре»* выявлено, что с развитием естественно-научного знания, поддерживаемого антропоцентрической и европоцентристской рационально-механистической картиной мира, ИСС секуляризируются, а изменяющие сознание ПАВ вводятся в промышленное производство, становятся продуктами массового потребления. Химико-фармакологическая наука, и, в частности, ее субъект не в силах понять и осознать, какие социальные, культурные и мировоззренческие последствия произведут научные достижения в области открытия ПАВ и лекарственных препаратов на их основе.

В неклассической культуре произошли важные научные открытия и глобальные социальные катаклизмы, на фоне которых природа человека опасно отождествляется с его сущностью. В этот период дискурс ИСС претерпел трансформации не столько благодаря открытиям в естественно-научном знании, а сколько с введением законодательного регулирования потребления «классических» ПАВ растительно-сырьевого происхождения, таких как алкоголь, опиум, каннабис, морфий, кокаин. Последние криминализируются и ассоциируются с социальными проблемами, преступным сообществом. Но фармакологическое производство, подгоняемое рыночной конкуренцией, активизировало выпуск уже «неклассических» синтетических ПАВ, которые направлялись на идеологические нужды государства: сделать человека быстрее, сильнее (Сверхчеловек); поддержать/держать дольше в бодрствующем состоянии или, наоборот, дисбалансировать психическое состояние не только человека, но и нации.

Таким образом, в первой половине XX в. фармакологические средства индукции ИСС контролировались политическими интересами. Из фармакологических лабораторий и клиник проникали в общество новые ПАВ («психоделики»), во имя которых была провозглашена «психоделическая революция» (Т. Лири). Отныне в ИСС стали видеть способ освобождения разума от гнета идеологии и массового сознания, возможность к трансгрессии, экспресс-рекреации и творческого вдохновения, что нашло отражение в литературе и художественно-изобразительном искусстве, перформансах, религиозных деструктивных практиках. Происходит «креативное» разрушение классической культуры модерна.

В неклассической культуре (конец XIX – 80-е г. XX вв.) были представлены разнообразные и противоречивые способы ввести человека в ИСС. Наряду с ними появились и иные формы ИСС, которые ассоциировались

также с Абсолютом, но Абсолютом иррационалистическим. В контексте маргинальных социокультурных практик они дегуманизировали массы, возвращая их в «варварские» состояния. Секуляризированные, новые синкетические формы ИСС были направлены на постижение уже внутреннего Абсолюта человека (сверхсознание, психоделика, холотропное состояние), что непременно дублировалось иискажалось средствами массовой культуры (музыка, кино, литература, изобразительное искусство). Сформированные «неклассические техники экстаза» к 60–70 гг. XX в., слепо наследуя былую «классическую» традицию постижения трансцендентного порядка, стали утилитарными, идеологизированными. Таким образом, за ИСС закрепились функции творческой рекреации, (псевдо)удовлетворения экзистенциальных, сексуальных и (био)политических потребностей.

В постнеклассической культуре (с 80-х гг. XX в. – по наст. время) происходят кардинальные трансформации дискурса ИСС. Новой общественной угрозой в последние два десятилетия предстала проблема распространения новых синтетических ПАВ. В постсекулярном обществе на замену специализированного «духовного» знания, классической технике экстаза знахарей, шаманов и мистиков, и прочих гуру приходит демократизация фармакологического знания.

В эпоху «рассимволизации Абсолюта» возникает «постнеклассическая техника экстаза». Она характеризуется тем, что, освободившись от классической ритуально-обрядовой формы, мистико-религиозная «аура» (В. Беньямин) ИСС утратила нуминозные свойства и приобрела шаблонный характер. Благодаря современным технологиям репродуцируемости и тиражирования новых синтетических и полусинтетических ПАВ, в ИСС нивелировалась сакральная трансцендентная функция. Отныне ИСС не восполняют нехватку метафизического порядка, а репрезентирует невротическое состояние субъекта ИСС в невозможности быть собой, что обнаруживается в современных социокультурных (маргинальных) практиках общества (у)потребления.

Выходы. В неклассической и постнеклассической культуре произошли существенные дискурсивные изменения ИСС. Они были вызваны социально-культурными трансформациями неклассического периода: мировоззренческими, научными, экономическими, политическими, социальными, духовно-культурными. Это привело к реабсолютизации феномена ИСС. Субъект ИСС – социальный субъект современности, который может одновременно находиться в нескольких дискурсах ИСС – как реальных, так и воображаемых.

Вторая глава «Постнеклассический дискурс взаимовлияния субъекта измененного состояния сознания и культуры» посвящена исследованию стратегий презентации субъекта ИСС в постнеклассической культуре. В соответствии с этой темой была поставлена цель выявить детерминации формирования субъекта ИСС в дискурсе маргинальных социокультурных

практик или в широком смысле – обозначить влияние культуры на ИСС и влияние ИСС на культуру.

В первом параграфе *«Психоаналитические репрезентации субъекта измененного состояния сознания в культуре: дискурс Сверх-Я»* отмечено, что феномен ИСС как полифункциональный и зачастую неосознанный уровень духовной реальности человека поднимает проблематику бессознательного. Она осложнена тем, что современное естественно-научное познание выявило функционирование в человеческом организме специальных рецепторов, необходимых для искусственной индукции в ИСС (Mechoulam R, A. M. Araújo, F. Carvalho и др.). Субъект ИСС находится между природой и культурой.

В современном философско-культурологическом знании происходит развитие основных психоаналитических концепций о сущности культуры. Это касается в том числе герменевтики ключевых психоаналитических понятий, таких как Сверх-Я, Сверх-Я культуры, Я-Идеал, Идеал-Я (Ж. Лакан, З. Фрейд). Если в постнеклассическую эпоху искусственные и маргинальные средства индукции в ИСС сопровождаются запретами и регламентациями на различных уровнях власти, то Сверх-Я субъекта с одной стороны, закрывает доступ к воображаемой трансгрессии, а с другой – принуждает субъекта переступить границу дозволенного, обещая некое наслаждение. Исследование дискурса Сверх-Я в психической жизни субъекта ИСС позволяет заключить, что производимый им дискурс – есть результат отношений между требованием (не)совершенства и образами (не)совершенства, которые обнаруживаются в культуре, социальной практике и в личной истории индивида.

Субъект ИСС соотносит свое «Я» с Я-Идеалом, понимаемым как навязываемый образ другого Я. Следовательно, измененное сознание, к которому он стремится, соотносит с неким идеальным ИСС и его носителем. Любой опыт ИСС имеет образец-идеал для подражания. Если в классический этап развития культуры идеальный образец опыта ИСС коренился в религиозных формах, то сейчас идеал мозаичен, диффузен. Это говорит о том, что в психической жизни субъекта, а, следовательно, и в культуре, опыт и дискурс ИСС не идентичны друг другу.

Таким образом, ИСС не являются бессознательными и иррациональными проявлениями в психической жизни субъекта. Они представляют собой социально-культурный конструкт из противоречивых идеалов культуры. Анализ психоаналитического дискурса ИСС подводит нас к пониманию конфликта между культурой и субъектом. Культура в полноте ее форм и многообразия полна противоречий, преодоление которых претерпевает субъект в стремлении к идеалам, благам, успеху, трансгрессиям и экстатическим состояниям.

Во втором параграфе *«Структурно-функциональные репрезентации субъекта измененного состояния сознания в дискурсе маргинальных социокультурных практик»* отмечается, что феномен ИСС в структурно-функциональном отношении выполняет разнородные и противоречавшие «некультурные функции культуры» (А.Я. Флиер).

Дискурс ИСС институционален и поэтому вмещает в себя разнородные дискурсы культурно-исторического, экономического и социально-политического плана. Их конфигурация в определенной социально-культурной ситуации отражает формирование «негативной» субъективности. Детерминируют этот процесс стратегии презентации ИСС: эпатаж, эскапизм (воображаемый, символический, реальный), сексуализация. Эпатаж характеризуется тем, что субъект, используя техники входа в ИСС, идентифицируется с объектом подражания, рассчитывая произвести впечатление на Другого. Этот процесс наиболее ярко выражен в искусстве, публичной деятельности, способах рекреации, инкультурации и социального признания. Эскапизм («бегство от реальности») субъекта ИСС характеризуется символическим («бегство за ИСС»), воображаемым («бегство в здоровье») и реальным («бегство в обычное состояние сознание») переходом субъекта в различные формы социально-культурной активности. Сексуализация субъекта ИСС характеризуется нехваткой любви/наслаждения. Бытовые игры с сознанием, наивный практический эскапизм от гнета социальной реальности и несправедливости, поиск экспресс-удовольствий сталкивает субъекта с радикальными формами субъективности, в которых преломляются социальные и этические роли.

Таким образом, анализ взаимовлияния субъекта и культуры в контексте в дискурсе маргинальных социокультурных практик позволил заключить, что между субъектом и культурой опосредовано пролегают такие стратегии презентации ИСС, как эпатаж, эскапизм (символический, воображаемый, реальный) и сексуализация; феномен ИСС может инвестироваться в любой институциональный дискурс современности: в науку, религию, политику, этику, право.

В третьем параграфе *«Идеологические репрезентации субъекта измененного состояния сознания: от дискурса жертвы к жертве дискурса»* проводится герменевтика дискурса субъекта ИСС с целью понять, ради чего и под каким идеологическим давлением человек изменяет свое состояние сознания искусственным путем.

В рамках неклассической парадигмы сформировалась идея, что стремления субъекта изменить состояние сознания репрезентируются через практики «заботы о себе» (М. Фуко). Поэтому забота о сознании проявляется в утолении метафизической нехватки путем искусственной индукции. Это желание, прежде всего, зависит от того, в каком поле дискурсивности находится субъект: в дискурсе науки, идеологии или религии, мистики, права. Манифестация опыта ИСС в публичной среде говорит о том, что субъект ИСС участвует в символическом обмене на социальные и/или личные выгоды (признание, героизация, исповедь).

Литературная традиция XX в. (А. Бретон, К. Кастанеда, У. Берроуз, Т. Лири, К. Кизи, И. Уэлш) наследует принцип вмешательства хаотичных и бессознательных абсолютных сил для реализации своих художественных целей с читающей аудиторией и зрительской публикой: ИСС не для всех, но для

каждого. В их философско-мировоззренческой позиции субъект ИСС позиционирует себя как жертву «внутреннего» Абсолюта («спонтанность сознания») и манипулирующей массовым сознанием идеологией, то есть «внешнего» Абсолюта.

Отсюда, субъект ИСС эксплицируется через философско-культурологическую категорию «жертвы» (Э. Б. Тайлор, Дж. Фрэзер, М. Мосс). Сознание субъекта ИСС есть заранее осужденная им жертва, участвующая в символическом обмене между жизнью и смертью. В постнеклассической эпохе сознание субъекта реифицируется («Стоит ли сознание того, чтобы в него приходить?»). Поэтому субъект ИСС в дискурсе маргинальных социокультурных практик обречен на непрерывное жертвование собой, которое является одним из способов конструирования субъективности.

Таким образом, субъект ИСС репрезентируется через дискурс жертвы, обретая свое культурное выражение в роли актора, выражающего отношения с «рассеянным» Абсолютом. С одной стороны, в контексте маргинальных социокультурных практик, артикулированное ИСС виктимизирует субъекта. С другой стороны, субъект ИСС образован по причине «расширения зоны исключения» (А. Агамбен). Поэтому в социальном поле он производится как жертва дискурса ИСС, образованного биополитическими институтами власти (медицина, здравоохранение, психиатрия, педагогика, право). Отсюда следует, что субъект ИСС – это субъект политического дискурса.

Выходы. В ходе исследования выявлено, что субъект ИСС, проявляя признаки «социального эксгибиционизма» (Е.В. Батаева), выставляет себя на показ. Дискурс ИСС имеет форму публичной речи; репрезентируется как определенный способ высказывания субъекта. И как «автор» ИСС, он репрезентирован в культуре как жертва, всегда требующая помощи и признания со стороны Другого. В постекулярную эпоху «рассеянного Абсолюта» сознание отчуждено от субъекта ИСС, им можно распоряжаться в пределах установленных границ биополитической нормы (здравоохранение, право, общественные стереотипы). Выход субъекта за ее пределы запускает процесс стигматизации и виктимизации. Анализ маргинальных социокультурных практик демонстрирует, что субъект ИСС становится «руководителем» своего сознания, прагматичным управленцем в вопросах обретения истины, достижения удовольствия, счастья и любви.

Заключение. К основным выводам относятся следующие:

В результате историко-культурного и философско-культурологического анализа «измененного состояния сознания» удалось доказать, что измененное состояние сознания – это полифункциональный, культурно-обусловленный дискурс маргинализации субъекта, децентрированный модус «нормального» сознания. В отличие от «нормального» сознания, в искусственно индуцированном измененном состоянии сознания, а также в формах его презентации и манифестации, происходит намеренная актуализация, трансформация (инверсия и перверсия), реализация и репрезентация идеалистических (воображаемых) представлений субъекта;

Установлено, что «субъект ИСС» представлен шире, чем «субъект в ИСС», который является объектом и продуктом медицинско-клинического, правового-юридического, мистико-религиозного и медийного дискурса, которые устанавливают конвенции, определяют границы между нормой и патологией, легитимным и табуированным. «Субъект ИСС» представлен как субъект-объект культуры, познающий и действующий носитель самосознания, предъявленный в качестве носителя опыта измененного состояния сознания, обладающего спецификой его репрезентации и манифестации в социально-культурном пространстве.

Обнаружено, что «измененное состояние сознания» как феномен культуры складывался исторически под воздействием экономических, религиозных, политических факторов и философско-мировоззренческих установок общества на макро- и микроуровне его бытия. В соответствии с культурно-исторической динамикой развития общества, от доклассического к классическому, неклассическому и постнеклассическому миропониманию, происходило приращение знаний об измененных состояниях сознания, трансформация дискурса ИСС и формирование субъекта как субъекта ИСС. Эти процессы обусловлены динамикой развития «техник экстаза» (М. Элиаде).

Выявлено, что в доклассической, классической и неклассической трактовке мир в представлении человека был закрытой системой, строго детерминированной высшими силами. Человек, как и его сознание (душа), было функцией, приложением к диктату Абсолюта. Было обнаружено, что ИСС в доклассический и классический период характеризовались интенциональностью по отношению к абсолютным сущностям и имели преимущественное значение в мифолого-религиозной традиции (шаманизм, дионисийство, христианство).

Доказано, что с XVII в. в Европе начался интенсивный процесс трансформации классического дискурса ИСС. Причиной тому послужили такие исторические и культурные процессы, как набирающая обороты индустриализация, ставка на просвещение и плавная секуляризация общественной жизни, открытия в области медицины и химии, колониальная политика и становление познающего субъекта-наблюдателя. В этот период перед субъектом открылось многообразие религиозного опыта, который в XVII–XIX вв. подвергся романтизации и эстетизации. Исследуя химическую природу материального мира, субъект получал эмпирические знания об искусственных способах и средствах по изменению состояния сознания, которые он использовал весьма неосознанно.

Выявлены четыре стратегии репрезентации субъекта ИСС: мировоззренческие, психоаналитические, структурно-функциональные, идеологические, позволяющие эксплицировать смысловые значения в конституировании маргинальных и девиантных социокультурных практик. Психоаналитические репрезентации обращают внимание на желание субъекта достичь некое идеальное состояние, в рамках которого культура и социальный контекст обуславливает маргинальность и идеальность форм социального

поведения, связанных с искусственным изменением состояния сознания. Структурно-функциональные репрезентации позволяют прояснить полифункциональность феномена ИСС в культуре через такие стратегии презентации, как эпатаж, эскализм и сексуализация. Идеологические репрезентации позволяют выявить формы виктимизации в контексте доминирования правового дискурса.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в рецензируемых научных журналах,

рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Вавилов П.С. Стратегии исследования «измененных состояний сознания» в социально-гуманитарном познании / П.С. Вавилов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань: Изд-во Казанского государственного института культуры и искусств. – 2017. – №2. – С. 9-12 (0,25 п.л.).
2. Вавилов П.С. Трансформация производства «измененных состояний сознания» в эпоху технической воспроизведимости: психофармакологические аспекты бытия культуры / П.С. Вавилов // Вестник психофизиологии. – 2017. – №4. – С. 38-42 (0,3 п.л.).
3. Вавилов П.С. Полифункциональность феномена «измененное состояние сознания»: опыт исследования шизоаналитического дискурса в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип» / П.С. Вавилов // Вестник казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань: Изд-во Казанского государственного института культуры и искусств. – 2018. – №1. – С. 8-11 (0,25 п.л.).
4. Вавилов П.С. Субъект измененного состояния сознания как объект биополитического контроля со стороны современных глобальных медиатехнологий / П.С. Вавилов // Вестник казанского государственного университета культуры и искусств. – Казань: Изд-во Казанского государственного института культуры и искусств. – 2018. – №3. – С. 13-17 (0,3 п.л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных конференций:

5. Вавилов П.С. Тревога как актуальное проблемы / П.С. Вавилов // Личность, общество и культура: Сборник научных трудов. – Казань: Изд-во Казанского государственного института культуры и искусств, 2014. – С. 27-30 (0,25 п.л.).
6. Вавилов П.С. Репрезентация иррациональных практик в культуре молодежи / П.С. Вавилов // Молодежь и культура: поиски, открытия и перспективы: сб. материалов научной студенческой конференции / сост. и науч. ред. Р.М. Валеев, В.Р. Алиакберова; КазГУКИ. – Казань: Изд-во Казанского государственного института культуры и искусств, 2014. – С. 13-18 (0,37 п.л.).

7. Вавилов П.С. Феномен измененного состояния сознания как космобиоэтическая категория: методологический аспект / П.С. Вавилов // «XXII Туполевские чтения (школа молодых ученых)» Материалы конференции. Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский фонд фундаментальных исследований, Казанский национальный исследовательский технический университет им. АН. Туполева-КАИ (КНИТУ-КАИ). 2015. – С. 675-677 (0,18 п.л.).
8. Вавилов П.С. «Экология культуры» и отчуждение человека / П.С. Вавилов // VII Всероссийская культурологическая конференция «Лихачёвские чтения»: сборник материалов конференции. Казань, 7-8 декабря 2015 г. – Казань: Изд-во КНИТУ-КАИ, 2016. – С. 60-62. (0,18 п.л.).
9. Вавилов П.С. Измененные состояния сознания в «Многообразии религиозного опыта» (по работе У. Джемса) / П.С. Вавилов // Человек, общество, история, познание: конфликт интерпретаций. IV Садыковские чтения. Статьи и материалы Международной научно-образовательной конференции (Казань, 17–19 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, А.Р. Каримова, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатуновой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 124-130 (0,37 п.л.).
10. Вавилов П.С. От «культуры психоанализа» к «психоанализу культуры»: проблемы Сверх-я от Фрейда к Лакану. Часть 1 / П.С. Вавилов // Вопросы культурологии. – 2017. – № 1 (январь). – С. 30-34 (0,3 п.л.).
11. Вавилов П.С. От «культуры психоанализа» к «психоанализу культуры»: проблемы Сверх-я от Фрейда к Лакану. Часть 2 / П.С. Вавилов // Вопросы культурологии. – 2018. – № 3 (март). – С. 52-57 (0,37 п.л.).
12. Вавилов П.С. *Homo ludens*: оборотная сторона «психоделической революции» / П.С. Вавилов // Революция и традиция. V Садыковские чтения / Материалы Междунар. научно-образов. конференции, Молодежная секция, Казань, 16 – 18 ноября 2017 / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, А.Р. Каримова Т.М. Шатуновой и др. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – С. 22-28 (0,43 п.л.).